

Оригинальна философская трилогия Толстого “Круг чтения”, “На каждый день”, “Путь жизни, которая представляет собой собранные в определенном порядке мысли выдающихся людей мира. Отличительной чертой поздних произведений писателя является их исследовательский характер: он пытается найти первопричину анализируемых явлений.

Трудно не заметить, насколько актуальны все толстовские идеи сегодня: его мысли о любви и единении людей. А самое главное - это поиск своего места в мире, постижение глубин своей души: Толстой на примере своей жизни и творчества показывает, “путь жизни” у каждого свой, но что всех нас объединяет единый нравственный закон.

Е. М. Баранская
Симферополь

РАННЯЯ ЛИРИКА Я. П. ПОЛОНСКОГО И РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ: ОБРАЗ ПОЭТА

Образ Пушкина поглощает молодого Полонского и во многом определяет настроение и тематику его ранней поэзии. Романтические традиции пушкинской лирики переросли в подражание, а пушкинский лирический герой утвердился как стереотип. В поэтической системе раннего Полонского отмечается неприятие приземленной реальности. Красота, Гармония, Любовь - привилегия идеального искусства, слияние которого с действительностью возможно лишь в романтической мечте, иллюзии. Полонский убежден, что “быть в гармонии с самим собой и природой” - это “не сделать ничего...” не согласного “с законами природы”, “человеческим достоинством”, “не изменить себе”. Отсюда - искренность поэтического переживания и предельная откровенность при... явной и несомненной мифологизации своей биографической личности в поэзии.

Особенностью восприятия романтической поэзии современниками является полное доверие поэтическим образам: читатель верит в наличие интимных связей “между героем и автором, героиней и миром авторских чувств” (Ю. М. Лотман), тем самым обязывая автора к определенному типу личного поведения, избличающего в нем романтического поэта. Прибегая к мифотворчеству, Полонский, как и Пушкин, использует художественный текст и “текст поэтического поведения” (Ю. М. Лотман).

Любовная лирика Якова Полонского - прекрасная тому иллюстрация. Его ранние стихотворения заставляют пережить всю гамму чувств: от легкой игровой фриivolности ("Маска", 1842, Когда я люблю...) и нежной страсти первого юношеского увлечения ("Пришли и стали тени ночи...", 1842, "Диамея", "Вызов", 1844) до "святого страдания", "боли нестерпимой" (К NN, 1843), безответной любви, разлуки ("Встреча", 1844, "Прощай", "Последний разговор", 1845, "Грузинка", 1846, "Внутренний голос", 1847), "живых грез" ("Письмо", 1853). За каждым произведением скрывается реальная психологическая личность: юная княжна Елена Мещерская, Евгения Сатина - "любимых дум предмет любимый" ("К NN"), белокурая Соня Коризна, любовь которой - лишь "мираж среди пустынных степей" ("Грузинка"), таинственная мадам де Волан, страстная красавица-армянка Софья Гулгас, очаровательная незнакомка. И каждая из земных муз Полонского вносит в его поэзию новый мотив: переживание юного и неопытного чувства ("Пришли и стали тени ночи..."), любовные разочарования ("Встреча", "Не жди", 1849), мотив утраченной и вечной любви, что связан, по-видимому, с Соней Коризной (в замужестве Софьей Михайловной Дурново) и прослеживается на протяжении нескольких лет: с 1844 по 1857 год. ("Вызов", "Грузинка", "Прощай", 1853, "Утрата", 1857).

Дневниковые записи Полонского, переписка с друзьями (в частности, с Н. Орловым, Н. Ровинским, желающим ему "жениться, чтобы остепениться"), его поведение в реальной жизни (например, "нечаянный" визит в Одессу летом 1850 года - еще один любовный эпизод в жизни Полонского), послания к возлюбленным - создают вокруг его личности романтико-поэтическую ауру, что настраивает читателя на особое видение Полонского - поэта, сотворенного в его собственном стиховом творчестве: "свеж и молод", "влюблен, мечты кипят" ("Качака в бурю", 1850). В свою очередь, личное поведение его моделируется литературным образом поэта-романтика: безответно влюбленный (едва ли не основная поэтическая роль молодого Полонского), скиталец, непрестанно ищущий свой идеал, плененный "неизвестностью будущности", страдалец, бегущий своей любви во имя свободы пылкой души, романтический возлюбленный, вспоминающий о "невольном слиянии уст в нежданный поцелуй" ("Ночь в Крыму", 1857).

Ранняя лирика Полонского проецируется на этапы творчества, дифференцируемые к тому же по географическому признаку: московский, 1838 - ноябрь 1844 г.; одесский, ноябрь 1844 - июнь 1846 г.;

кавказский, июнь 1846 - май 1851 г., крымский, лето 1850 г. Одесса, Крым, Кавказ - не так давно все они фигурировали в поэтическом творчестве Пушкина. Яков Полонский также переживает восхитительные минуты безоглядной страсти на фоне экзотической природы Южного бережья и величия Закавказья, которые явились для Полонского прообразом гармонии Вселенной ("Не мои ли страсти", "Ночь", 1850, "На пути из-за Кавказа" и др.).

Лирика Полонского стала прекрасным реципиентом тематики и эмоционального настроя пушкинской романтической поэзии. Как следствие, искренние чувства Я. Полонского, включенные в рамки условной поэтико-романтической формулы, способствовали созданию образа поэта-романтика, отделенного от своей биографической личности.

Н. В. Барковская
Екатеринбург

“ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЖАНРЫ” В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Дискретность и непрерывность в истории литературы особенно очевидны при обращении к обширным структурно-семантическим единствам. В настоящее время выявлено и описано В. Н. Топоровым одно такое “поле” - Петербургский текст в русской литературе XVIII-XX веков. По мнению исследователя, этот синтетический свертхтекст развивает особый миф о Петербурге, у истоков которого стоят Пушкин и Гоголь, а завершителями явились акмеисты. Петербург воспринимался как олицетворение творческой мощи, созидательной энергии, государственной славы России. С другой стороны, Петербург считался проклятым, гиблым местом, умышленным, фантастическим городом (в противоположность “естественной, живой” Москве).

Эволюция образа Петербурга в творчестве Г. Иванова показывает, что эти антитетичные тенденции могут переплетаться. Более того, само разграничение классицизма, романтизма, реализма и модернизма может оказаться весьма условным в художественной системе писателя.

Ранние, образцово-акмеистские стихотворения Г. Иванова созерцательны (тяготеют к бессубъектности), ориентированы на жанры ведуты (вид определенного места) и экфразиса (описание произведения живописи или скульптуры). “Изнутри” Серебряного века Петербург видится Г. Иванову как некая целостность, уже вневременно